

История о жизни и мистическом опыте девушки-психонавта, где реальность тесно переплетается с галлюцинациями, а время замыкается лентой Мёбиуса. В этом рассказе каждый может найти своё. Кто-то увидит отсылки к мифам о падении Люцифера, восхождении Одина и извечной игре Шивы и Шакти, а кто-то — иносказательное описание женской психики, искаженной любовной аддикцией.

Глава 1

Как говорится, Please allow me to introduce myself. Я Нулла. Nulla. Ноль. Ничто. Пустота. У каждого могут быть свои ассоциации с моим именем, но мне, в общем-то, все равно. Я когда-то была человеком, как и вы, тогда меня звали Настя. Любила читать всякую эзотерическую муть, а также качественную околэзотерическую художку типа Пелевина. Кто или что я сейчас – не знаю. Но я готова поведать вам свою историю, и вы сами решите это для себя.

Собрав себя по частям после расставания с одним значимым для меня человеком, я начала подписываться на всевозможные эзотерические курсы, семинары и прочую дребедень, чтобы не сойти с ума окончательно. Скажете: это не самая лучшая идея? Скажете: запутает ещё больше? Но мне помогло.

Один из таких семинаров был посвящён интерпретации сновидений. А мне как раз накануне той роковой ссоры приснился странный сон. Будто миром управляет огромный числовой массив. И если высчитать формулу мира и применить к ней этот массив, можно стать богом.

Загоревшись желанием проверить информацию из сна, я поделилась ей с участниками семинара. К сожалению, я не сильна в высшей математике, да и в магических дисциплинах пока не очень опытна, хотя и лучше большинства.

Что только мне не высказали: по Юнгу, по Фрейдю, даже народный сонник зачем-то пытались задействовать. Пытались найти скрытый смысл, заложенный в символах, в обстановке сна, хотя главное-то на поверхности!

Лишь один из присутствовавших по-настоящему заинтересовался моим видением. Это был мужчина, представившийся как Гримнир и почему-то напомнивший мне какого-то математика или философа эпохи Просвещения. Конечно, подобные семинары привлекали разных необычных людей, но даже на их фоне он выделялся. Он не стал ничего пространно расписывать, сказав только:

- Нам надо где-нибудь встретиться и всё обсудить.

Меня смутило то, что он ничего не конкретизировал. Он не сказал, где и когда готов встретиться, и даже не взял у меня телефон для связи. Он мне определённо нравился. К тому же, мне хотелось обсудить волнующую меня тему в менее шумном месте, где разговоры вечно перетекают от эзотерики к политике и от политики – к местным сплетням, в которых, как в болоте, вязнут абсолютно все присутствующие.

- Я очень рада. А как... - не успела договорить я, когда он засобиравшись домой.

- Успокойся, всё будет.

На прощание он неожиданно обнял меня, словно мы были давними знакомыми. Я даже опомниться не успела.

Следующие полтора месяца я пыталась выследить его, посещая все мероприятия этого клуба. Спрашивала организатора и нескольких постоянных участников.

- А, Юрка... Не обращай внимания, он просто странный. Раньше он регулярно появлялся. Наверное, уехал куда-то, - отвечали мне.

Я устроилась на работу, клуб стала посещать через раз, и то – по старой памяти, а о том мне уже и думать забыла.

На очередной лекции, посвящённой синхрониям, или случайным совпадениям, у меня упал телефон, который я нервно вертела в руках. Почему-то я уже в тот момент знала, что произойдёт. И точно: вошёл Гримнир.

Пытаясь привлечь его внимание, я непривычно много говорила, и, по неосторожности ляпнув, что я сатанистка, я вызвала интерес сидящего рядом со мной типа с довольно неприятным лицом. Он допытывался, есть ли у меня ритуальная группа, где я должна была, как он считал, устраивать жертвоприношения. Узнав, что такой группы нет, а жертвоприношения я осуждаю, он, кажется, расстроился. Но мне это было неважно: разговаривая с типом, я параллельно следила за Гримниром.

К сожалению, в тот день он ушёл так же неожиданно, как и пришёл, и поговорить мы снова не успели, хотя он и пытался сообщить мне что-то жестами.

Я даже засомневалась: а приходил ли он? Оказалось, что пара человек его тоже видели. Но только пара человек.

К моему счастью, на следующей неделе он снова появился и позвал меня гулять в местный парк. И к моему удивлению, Гримнир оказался вовсе не полубогом, как я уж было вообразила себе, а живым человеком, приятным в общении. В миру он носил банальное имя Юра, зарабатывал на жизнь разнообразным фрилансом и жил с девушкой, которая тоже немного интересовалась эзотерикой и прочими необычными вещами. Но, тем не менее, встретившись с ним, я чувствовала, что мир как будто стал другим. Лес, ранее казавшийся обычным, стал сказочным. Мой спутник казался существом из другого мира. И я знала, что это лишь предчувствие более глобальных изменений.

- Ты что-то хотел обсудить? – спросила я, собрав волю в кулак. Я тогда была ужасно стеснительной, и даже вполне невинные вопросы у меня почти всегда застревают в горле.

- Ах да, интересную ты тему подняла. Я уж думал, что я один такой замороченный.

- То есть?

- Так уж сложилось, что я разрабатываю свою систему видения мира. Как известно, физические законы описываются огромным количеством формул. Но у меня есть гипотеза, что все эти формулы объединяются в одну красивую систему. Это просто набор чисел, матрица. Есть графический интерфейс, скрывающий эти числа, и люди не знают, что движет декорациями. Некоторые люди основательно вкладываются в эту игру, действуют по её законам... и становятся

святыми. Этот путь слишком долгий и бессмысленный. Люди думают, что играют они, но на самом деле играют ими.

- И ее как-то можно взломать, верно?

- Да, но это мне не интересно. Можно найти чит-коды, чтоб играть в обход правил.

- Или создать вирус, чтобы разрушить программу до основания и положить конец этой игре?

- Ну и что ты с этого получишь? Разрушая мир, ты разрушаешь и себя.

- А что же хочешь ты?

- Поставить к ней свой мод.

Он достал из рюкзака листок со своими подсчётами и попытался объяснить, над чем работает прямо сейчас. Я, конечно же, ничего не поняла. Он пытался объяснить, но смысл речи не долетал до меня, долетала лишь музыка его голоса. Поняв, что разговоры сейчас непродуктивны, он решил сократить дистанцию.

Этот день был разбит на две части, и точкой перехода был его поцелуй. Я помню до мельчайшей детали, что происходило перед ним, но всё что было после, виделось мне как в тумане. Помню, что потом мы пришли ко мне домой и там занимались любовью, и это осознавалось тоже смутно. Всё это фиксировалось сознанием, но не ощущалось в полной мере – я как будто наблюдала за происходящим со стороны и воспринимала всё как символы, которые предстоит разгадать. Но несмотря на отстраненность, я осознавала, что этот момент – лучшее из того, что со мной когда-либо случилось.

Глава 2

Ранее размеренная, жизнь перестала подчиняться даже видимости порядка. И чем дальше, тем сильнее мне казалось, что Гримнир был слепком из всех моих вытесненных фантазий.

Я начала выпадать из реальности против своей воли. Иногда мне казалось, что я говорю с ним и держу его за руку, но потом словно падала куда-то и просыпалась, сидя на работе и держа в руках компьютерную мышь.

Когда мы с ним снова встретились, он сказал, что не пытался ничего вызвать специально, но часто и на его глаза словно находит пелена, и он ничего, кроме меня, видеть не способен.

Нас безумно влекло друг к другу. У нас были темы для обсуждения, но поцелуи мешали разговору состояться. Лишь усилием воли прервавшись, он достал тетрадь, разрисованную многочисленными схемами и таблицами. На этот раз я старалась слушать как можно внимательнее, чтобы ничего не упустить.

- Смотри.

Он взял циркуль и лист бумаги.

- Это две точки. Нужно прочертить окружности так, чтобы их линии касались центров друг друга. Затем рисуем по гексаграмме, вписанной в каждую окружность.

Он чертил.

- Вот, что получается. Но это не конец, можно добавить еще пару окружностей. Шаг 1 – слияние. Шаг 2 – соприкосновение в одной точке.

- Зачем это нужно?

- Именно так создавался мир. Бытие пытается отрицать само себя, но оператора отрицания еще не появилось, поэтому был возможен только ноль. Когда единица отличилась от нуля, получилось два состояния. Разница между 1 и 0, сколь бы ничтожна она не была, есть промежуток - расстояние. А что есть промежуток? Он может быть почти никаким, может быть бесконечным, и может быть дискретным, конечным числом. Эту суперпозицию (1,0) тоже можно отрицать, тогда получится (0,1). Следующий шаг – уже матрица из четырех состояний:

(1,0), (0,1)

(0,1), (1,0)

Я не понимала две трети из того, что он говорил, но внимательно слушала. Нужно было несколько итераций, несколько повторов одной и той же мысли в разных контекстах, чтобы понять, что он имел в виду. С первого взгляда все казалось бредом шизофреника или религиозного фанатика, однако, чем дальше, тем очевиднее становился смысл его загадочных идей.

Через неделю он позвал меня к себе домой. Терра (так звали его девушку) куда-то уехала. Я не торопилась расспрашивать о ней: меня гораздо сильнее интересовали космогонические изыскания Гримнира. Когда я пришла, он радостно меня встретил, и пока я разувалась и пыталась прийти в себя, он ушел в свою комнату.

В квартире царил творческий беспорядок. На одной из стен были старые обои, другая была белой и в хаотичном порядке покрытой записями. Записи были везде, кроме самого верха, куда, очевидно, было трудно дотянуться.

Гримнир сел рядом с алтарем. Из дымящейся курильницы пахло ладаном. Рядом горела свеча. Гримнир смотрел в пустоту. Я села в полутора метрах от него, борясь с желанием придвинуться ближе. Через некоторое время Гримнир поднялся.

- Посмотри. Это живое существо. Оно дышит.

Я бросила взгляд на алтарь и увидела странную мандалу.

- Что это?

- Помнишь, как я чертил гексаграммы из двух точек?

Вооружившись циркулем, карандашом и линейкой, он снова начал рисовать узоры из окружностей.

- Та матрица, о которой я говорил в прошлый раз, заполнена буквами. У каждой буквы есть свое гематрическое значение. Буквы индексируют строки и столбцы, строки дают начала, столбцы – окончания. Комбинация начала и окончания – ячейка. Ту же матрицу можно перенести и на ячейки, образованные кругами. Весь алфавит умещается в промежутке от центра к границам. Прочие же линии – соединения букв между собой в различных сочетаниях. Числам можно

назначить различные части спектра, и тогда они дают интересную картину. Схема похожа на сферу с кармашком, в который можно заглянуть, эта сфера, обращенная одновременно внутрь и наружу.

- Алфавит-то какой используется?

- Еврейский. Еще можно попробовать греческий. Русский или латинский не подойдут. Может подойти и кириллица, но я не уверен, что в ней есть сила. Хорошо бы вписались руны, но с рунической гематрией я не знаком.

Я долго вглядывалась в мандалу, но снова ничего не поняла.

Глава 3

Подобных встреч было четыре. А потом он снова исчез. Я знала, что не насовсем, и потому продолжила жить ожиданием.

Некоторое время он охотно выходил на связь, потом прекратил. Прислушиваясь к писку роутера, я пыталась услышать в гуле всемирной паутины его голос. С кем он переписывается? Напишет ли мне? Знаю, что не напишет, но я и не жду такой награды. Я всего лишь не хочу, чтобы мои бесконечные мысли о нем уходили в никуда. Хотя бы намёк на них, ненавязчивый и социально не осуждаемый...

И как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт. У меня не было гарантий, что отвечал мне действительно он, а не его проекция в моём больном воображении, но кто-то мне отвечал.

- Хочу тебя увидеть... - эта мысль повторялась у меня в мозгу, как мантра, и, как мне показалось, на тысячном повторении, когда эти три слова превратились в ритмичную бессмыслицу, она словно дошла до адресата. Или это моя шизофрения?

- Сожалею, но это невозможно. Не сейчас и не скоро, – отдалось мне пульсирующей болью.

- Что же мне делать? – прошептала я в пустоту.

- Ты можешь помочь мне. Общее дело – прекрасный повод для общения, была бы цель, а возможности найдутся, – эта фраза меня обнадежила. Я не понимала до конца, являлась ли она моим внутренним диалогом, или это был ответ. Конечно же, я надеялась на второе.

- И как я могу помочь тебе?

- Картографированием миров. Ты найдёшь меня через стеклянный шар. Но для начала описывай всё, что видишь, максимально подробно.

И я начала учиться созерцать. Поначалу это казалось долгим и бессмысленным занятием, не дающим ничего, кроме усталости глаз. Затем шар заволокло дымкой, и в этой дымке замерцала необычно-яркая точка. Я начала вглядываться в эту точку, и она будто бы расширилась до размеров небольшого планшета. В реальности она, конечно же, продолжала оставаться той же точкой, и это мое сознание сузилось до необходимых размеров. А может, ее и вовсе не было... Но не важно, главное – что я его увидела. Он сидел на земле и что-то рисовал в своем походном блокноте. Вдруг ни с того ни с сего резко дернулся, и, нервно улыбнувшись, сказал «привет».

- Ты где?

- Ээээ... как бы тебе сказать... Знал бы я сам, где я... Не смотри на меня так...

Эх, знать бы, каким образом видел меня он, но мой выход на связь явно показался ему неожиданным.

- Ты видишь меня?

- Да.

- Видишь место, где я нахожусь?

- Вижу.

Он выставил перед собой блокнот, в котором было наклеено нечто напоминающее топографическую карту. Все, что я разобрала на ней – это лес, река, огромный мост и пара башен по обе стороны моста. Я повертела шар, и масштаб картинки уменьшился. Стало видно, что происходит вокруг него. Сидел он на мосту. Местность была потрясающе красивой: редко где встретишь такую гармонию природы и цивилизации.

- Как ты здесь очутился?

- Сидел в лесу, шаманил... Открыл глаза и – оказался где оказался. Это точно не Москва. Сколько ни гулял здесь раньше – никогда такого не видел.

- Ставлю вопрос иначе: ты на физическом плане или астральном?

- Хороший вопрос... Был бы на астральном - давно бы очнулся. Но телефон тут не работает – связь не ловит.

- Каким образом ты шаманил?

- Сидел на поляне, погружившись в свои мысли. Встал, решив, что пора домой – а вышел непойми-куда.

- Полянка та самая, где мы сидели?

- Да.

- Поняла, еду туда же. Либо разбужу тебя, либо выйду туда же, куда и ты.

- А если не найдешь?

- Значит, просто заценю аномальное место.

Я бросила скраить, быстро собралась и поехала к лесу. Благо жила я не очень далеко. Вскоре я пришла на поляну. И точно: мой друг лежал под деревом. Я начала трясти его, пытаюсь разбудить, но меня словно водоворотом затянуло в сон.

Техногенное здание-скелет, поросшее мхом и какой-то неприхотливой травой. Ни души. О том, что здесь до меня кто-то был, напоминали разве что пустые бутылки и постмодернистские художества на стенах. Арматура напоминала ежа, свернувшегося в клубок, чтобы защититься от неприятеля, направив на него иглы.

Спотыкаясь, я обошла вокруг одной из башен, и среди граффити обнаружила его имя, написанное в рунической стилизации. Подошла ближе, зачем-то потёрла запись – и здание начало рушиться. Казалось, одно лишь имя заставляло это здание стоять. Меня тоже начало трясти, и я очнулась.

Глава 4

Очнулась я совсем не там, где ожидала. Мир показался мне знакомым: парк Сокольники, удаленный от главной аллеи лесной массив, куда практически никто не заглядывает. Рядом со мной лежал высокий темноволосый парень, подстелив под голову пиратский флаг. Его лицо я узнала, но имя... черт, как же давно это было, как же далеко меня унесло!

- Очнулась? Наконец-то. Скоро стемнеет, пора бы собираться домой.

Я молчала, боясь ляпнуть хоть что-нибудь: я потеряла смысл слов и не хотела, чтобы это обнаружилось. Я видела свои руки, видела зеленую траву, видела молодого человека, я прекрасно ориентировалась в пространстве, но в голове у меня словно происходил большой взрыв: я вспоминала имена, вспоминала ассоциации, связанные с ними, и сопоставляла абстрактные понятия, строя мир с нуля.

- Эй, ты тут? Помнишь как меня зовут хотя бы?

- Ноктифер? – наконец-то всплыло в голове.

- Вот видишь, еще не всё потеряно.

- Что это было?

- Психоделик.

«Психоделик... Наркотик... Что-то запрещенное...» - крутилось у меня в голове.

- Откуда мы его взяли?

- У Рутвена купили.

- А кто это?

- Разве не помнишь? «Загрея», он её основатель.

- Название знакомое...

- А Сталкера помнишь?

- Сталкер? Это что-то с заброшками связано или с практиками Кастанеды?

- С игрой. Кастанеду он терпеть не может, а для заброшек – слишком толстый.

- Странно... Мне казалось, что основателя Загреи Дайсем зовут, и это имя тоже из игры.

Ноктифер поднялся с земли и, глядя на часы, сказал:

- Пошли, в дороге поговорим.

Я последовала его примеру. Не стесняясь людей вокруг, я делилась своим опытом:

- Я интересную вещь узнала. Помнишь, мы с тобой обсуждали разрушение мира? В видении был чувак, который много интересного на эту тему рассказал. Наверное, это мой анимус.

Я говорила, а сама поражалась реалистичности и количеству событий. Ну не могло столько всего за пару часов случиться! Затем я спросила:

– А ты сам что видел?

- В коде ошибка. Пошло оно к чёрту! Какой-то debil вместо единички выставил тройку, и оно всё порушилось!

- Надо бы расписать всё, что видел.

- Да, вот только хрен кто поймет. Бесполезно всё это. Подумают, что я очередной свихнувшийся шизотерик.

Глава 5

Как выяснилось дальше, живет Ноктифер у меня, и вообще мы с ним почти не расстаемся, разве что работаем порознь. Мы быстро вернулись к своим привычным делам: я – к чтению и писательству, он – к компьютерным играм и программированию. На следующих выходных мы пошли в Загрею.

Как и следовало ожидать, многое отличалось. Я запомнила это место как нечто достаточно пафосное, немного академическое, проводившееся в арендованном помещении. На деле же всё оказалось раздолбайским квартирником.

Но формат был почти такой же: сначала читалась лекция, потом большая часть человек уходила, и оставшийся тесный круг начинал бухать.

Войдя, мы застали оживлённый спор о том, из скольких измерений состоит мир.

- Мир – это голограмма, давно ж известно! – говорил Рутвен.

- Не-не-не, что за бред? – возмущался Ведагор. – Миров же много!

- Да-да! Эфир, астрал, ментал, атман... - поддержала Лариса.

- А эти ваши чёрные дыры – всего лишь большие прыщи, которые можно раздавить! И сингулярность – это раздраконенный во все стороны прыщ!

- Виногор прыщ! – гыгыкнула Веста, до того момента молчавшая, не желая участвовать в интеллектуальном разговоре. Как я узнала позже, за пристрастие к выпивке все за спиной зовут Ведагора именно так.

- Молчи дура! – осадил ее Ведагор.

- Зря вы всё это выдумываете! – поморщился Барон. – Ну почему никто не хочет воспринимать мир непосредственно, как мы его видим?

- Именно! – воскликнул Сталкер. Он почти никогда не соглашался с Бароном, но тут оказался полностью солидарен с ним. – Три измерения и время. К чему всё усложнять, всё равно никто не влезет в тессеракт.

- Это ты не влезешь, а я влезу! – возразил Ведагор. По интонациям было видно, что он сильно пьян.

- Ты еще после Марса не оправился, куда тебе в тессеракт? – заметила Веста.

- Ничего вы не понимаете! – обиженно завопил Ведагор, допивая пиво. – Скоты, дурные скоты, сидите в своей гашшарве*, вот и видите везде свою голограмму! И ты в гашшарве! – ткнул он пальцем в Барона, - и ты, - ткнул в Сталкера.

Барон равнодушно проворчал:

- В гашшарве так в гашшарве, как будто я на что-то претендую.

Сталкер же оскорбился. Хотя он так и не вспомнил, откуда Ведагор взял свой мудрёный термин, руки у него зачесались. Поставив стакан на стол, он сильно толкнул Ведагора.

- Я не понял... - Ведагор толкнул Сталкера в ответ.

Началась драка. У Сталкера под глазом образовался синяк, у Ведагора же в синяк превратилось всё лицо. Дебоширов растащили по разным комнатам, но они нетерпеливо рвались продолжить бой. Когда Ведагора выставили за дверь, все облегчённо вздохнули.

* Гашшарва – ад в «Розе мира» Даниила Андреева. По описанию автора, это один из основных слоев демонического антикосмоса, имеющий два пространственных измерения и множество временных потоков.

Глава 6

Я пыталась свыкнуться с мыслью, что реальный мир именно тут, а Гримнир был всего лишь глюком, но удавалось не очень. Ноктифер же – замечательный и понимающий друг, в котором я всегда была уверена не меньше, чем в себе. За всю совместную жизнь мы ни разу не поссорились, чем вызывали удивление и недоверие окружающих, считавших, что так не бывает. Нам никогда не надоедало общество друг друга. Это бесило как мужчин, заглядывающихся на меня, так и женщин, которым нравился Ноктифер. Особенно ярко это проявлялось в Загрее.

Несколько собраний Загреи прошли в том же формате, что и предыдущее, и расписывать каждое не имеет смысла: те же умные разговоры в сочетании с совершенно отмороженным поведением. Чаще всего мы с Ноктифером просто наблюдали со стороны, но случалось и более полное включение в трансгрессии.

В таких случаях нашей ошибкой было то, что мы не успели уйти до закрытия метро и вынуждены были ночевать в этом притоне.

Пока Рутвен со Сталкером обсуждали политику, а Надя, приходившаяся Сталкеру женой, спала после напряженного рабочего дня, я и Ноктифер разговаривали с Вестой.

- Хорошо, что вы остались. Агасфер меня замучал бы совсем.

- Агасфер? Кто это? – спросил Ноктифер.

- Рутвен.

- У него два имени?
- Когда он в нормальном состоянии, он Рутвен, а когда напьётся, то становится Агасфером.
- Раздвоение личности? – предположила я.
- Маниакально-депрессивный психоз, если говорить точно, - ответила Веста.

Минут через пять после сонного залипания мы услышали звон бьющегося стекла.

- Что такое? – сонно протянула Надя.
- Этот идиот утверждает, что миры Иггдрасиля – это каббалистический новодел, - ровным голосом ответил Сталкер. Мне здесь нечего делать, пойдём отсюда.

Надя недовольно засобиралась, не став возражать, очевидно понимая, что поспать ей всё равно не удастся.

Рутвен, шатаясь, позвал Ноктифера поговорить наедине, оставив меня с Вестой. И Веста поведала мне о своей жизни.

Она познакомилась с Рутвеном, когда ей было всего пятнадцать лет. Рутвен в то время полностью оправдывал свое имя, будучи властным, загадочным и харизматичным молодым человеком. А может, он просто казался таковым, много ли надо неопытной девушке, чтобы влюбиться? Родители запрещали ей с ним встречаться, и она сбежала от них. Со временем Рутвен дал ей понять, что он убежденный сатанист, садист и алкоголик, и если она хочет быть с ним вместе, то она должна принять эти факты. Сатанизм Весту не смущал. На алкоголь (а впоследствии и наркотики) она старалась закрывать глаза. Но вот садизм выходил за рамки. Рутвен много рассуждал о «тематических» правилах, о добровольности и безопасности, но по пьяни мог забыть обо всех обещаниях и жестоко отыгрываться на Весте за все свои жизненные неудачи.

- Так почему все-таки Агасфер? – спросила я.
- Так звали Вечного Жида. У него есть еврейские корни, видимо из-за них и прилепилось. Ну и общая неприкаянность тут сыграла роль.

Вскоре Рутвен с Ноктифером зашли к нам. Загадочно улыбаясь, Рутвен позвал меня из кухни в спальню, и – нет, не то что вы подумали, - он просто начал рассказывать о том, как крута его организация и какие перспективы он пророчит мне в ближайшем будущем. Также он сказал мне, что в Ноктифере потенциала не увидел.

Когда метро открылось, мы сразу же поехали домой и по дороге начали обсуждать произошедшее. Как выяснилось, Ноктиферу было высказано, что все бабы - дуры, и их надлежит воспитывать железной рукой.

На следующей встрече выяснилось, что Веста сбежала. Однако Рутвен был обаятельным и беззаботным, как будто ничего не произошло. Рутвен довольно рано выпроводил Виногора и Сталкера, оставив лишь адекватных гостей, и радостно говорил с ними о каббале, поэтому мы даже решили никуда ночью не уезжать.

Ночью провели ритуал. Получилось сумбурно, но мне в целом понравилось. Уснули мы прямо на полу, вусмерть пьяные, и мне приснился странный сон.

Глава 7

Метро Молодёжная. Помутнение сознания. Выход из метро помню как нечто призрачное. Напряжение в мускулах ног говорило, что я долго шла, но непрерывность времени из сознания то и дело выпадала. Вокруг не было ни души. Ни домов, ни растительности также не было: одна пустыня вокруг.

Точка на горизонте. Постепенно точка превращалась в линию, и наконец – получила очертания неестественно-худой мужской фигуры.

- Ты кто? – спросила я.

- Самаэль.

- Что это за место?

- Мои скромные владения. Шучу, конечно. Пойдем, покажу более интересное место.

Мы шли. Разговор не клеился. Я не знала, что у него спросить, а он в свою очередь не знал, о чем говорить со мной.

- Странно выглядишь, - Самаэль задумчиво разбавил тишину. – Ты употребляла что-то?

- Не помню.

- Точно употребляла, не отпирайся. Зачем?

- Я таким образом исследую разные миры.

- Все так говорят. Но какие миры? Все это в твоей голове. Я не буду спорить – каждый имеет право на свои убеждения и заблуждения, но таким образом ты ничего не исследуешь. Как, впрочем, и любым другим.

- Хочешь сказать, что я зря этим занимаюсь?

- Не зря. Это может быть увлекательно. В мифах народов Междуречья, например, очень интересно описано зарождение жизни, и в определенном преломлении там почти нет противоречия с научными фактами. Тиамат – это мировой океан. Прочие боги – зародившаяся в океане жизнь. В частности, Мардук – первая кистеперая рыба. Вот откуда шумеры могли догадаться, а?

- Звучит странно. Но Тиамат была убита, а океан существует до сих пор.

- Да, ты права. Мардук не уничтожил Тиамат, он просто перестал жить в воде. Когда он увидел небо и землю, он решил, что сам их создал. Его битва – это битва с собой, а победа произошла лишь в его голове.

- Постой... ты сказал, что все другие миры у меня в голове. Но ты тоже у меня в голове?

- Я мыслю, значит я существую. Где бы я ни был, но я в своей реальности уверен.

- Значит, и пространство реально.

- А с чего бы ему быть нереальным? Всё в этом мире иллюзия, да? Мы в матрице? Ха-ха-ха, ну пусть будет так.

Меня удивляла его уверенность в своей реальности. Кем бы он ни считал себя, он исчез, как только я проснулась. Однако что такое реальность? Это всего лишь сон, который не заканчивается.

Глава 8

Наутро Ноктифер проснулся разбитым. Дома начал протекать кран. На следующий день мы с Ноктифером впервые в жизни поругались из-за какой-то бытовой мелочи. Что-то явно шло не так.

Загрея вскоре деградировала еще сильнее: пьянства стало больше, интересных людей – меньше, а обсуждение магии скатилось в перемывание костей магов и псевдо-магов. Все чаще мне казалось, что я теряю время на этих попойках, но в то же время было в них что-то цепляющее. Мы с Ноктифером по-прежнему были на всех собраниях, боясь пропустить что-то интересное.

Вслед за Вестой сбежала и Надя. Я осталась единственной женщиной, посещавшей Загрею регулярно. Рутвен делал мне двусмысленные намеки, а я старательно делала вид, что не замечаю их. В первые месяцы знакомства он мне нравился, но после рассказанного Вестой я старалась держаться от него подальше, да и пьянство превратило некогда обаятельного негодяя в простого маргинала. Впрочем, открытой агрессии он избегал, и потому Ноктифер прощал ему все замашки.

Надя появилась словно из ниоткуда. У нее сломался ноутбук, и она обратилась за помощью к Ноктиферу, способному разобраться с практически любой техникой. В нем она нашла друга, которому рассказала об изнанке жизни со Сталкером. Его пьяные выходки в Загрее оказались лишь верхушкой айсберга. Сталкер жил за счет Нади, кормя ее иллюзиями, будто он благодаря своим познаниям и своей уникальной философии вот-вот обретет известность. Несколько лет Надя верила в него, однако известность и востребованность так и не появлялась, а любая его попытка выхода на публику встречала лишь насмешки. И всё бы ничего, если бы Сталкер продолжал бороться. Надя всё чаще стала замечать, что вся его борьба сводилась к бесполезным спорам и поискам отмазок и оправданий своим неудачам. Очередной его проект оказался последней каплей. Этот проект требовал огромных вложений, вынуждавших Надю влезть в долги, однако всем, кроме Сталкера с Рутвеном было очевидно, что из этой затеи ничего не выйдет. Обиженный отказом Сталкер превратился в настоящего тирана, от которого Надя и сбежала.

Я мало интересуюсь судьбами посторонних людей, но Надя меня чем-то зацепила. Ноктифер начал проявлять к ней вполне явный мужской интерес и даже по-рыцарски заботился о ней. Я знала об их сексуальной связи, но меня это мало беспокоило, поскольку у меня был свой любовник, пусть и не в этом мире.

Начались новогодние праздники, и на собрании появилось непривычно-много народу. Пришел и Виногор, отсутствовавший около месяца после того, как Сталкер его избил. Слушать пьяные бредни Виногора нам совсем не хотелось, поэтому мы с Ноктифером ушли вместе со Сталкером, жившим неподалеку.

Сталкер рассказывал нам о своем видении психологических типологий, попутно транслируя новые сплетни. Он жаловался о том, как подло его бросила Надя, не оставив ему средств к существованию. Когда литр водки подошел к концу, Сталкер спросил напрямую:

- Ноктифер, ты же общался с ней?

- Ну да, было дело, - признался Ноктифер.

Я, конечно, предполагала, что Сталкеру этот ответ не понравится, но такой реакции я точно не ожидала. Лицо Сталкера перекопилось, а спокойный и рассудительный тон сменился надрывным криком:

- Исчез отсюда быстро! Чтоб я тебя не видел, предатель!

Ноктифер равнодушно вышел из-за стола, снял с вешалки свою куртку и пошел к выходу. Я последовала за ним.

- А ты можешь остаться, - сказал мне Сталкер.

Естественно, перспектива провести ночь с пьяным Сталкером меня совсем не радовала, и с этого дня мы с Ноктифером решили больше никогда в Загря не возвращаться.

Глава 9

Однажды утром я, проснувшись, обнаружила в своей постели Гримнира вместо Ноктифера.

«Ни фиги себе сон, - подумала я. – Что же это было вчера? Парк, я его нашла, мы пошли ко мне домой, оба были сильно не в себе, но сейчас я проспалась, и Гримнир, возможно, тоже приходит в себя».

Я осторожно погладила его по щеке, он проснулся и поцеловал меня.

- Что вчера было? – хриплым голосом спросил Гримнир.

- Ты случайно не баловался веществами? Я обнаружила тебя спящим в лесу... Как только умудрилась найти... кое-как разбудила и повела домой.

- Было немного... Но сейчас я вроде в порядке.

- Сумасшедший день, а уж ночь и того удивительнее. Представляешь, мне приснилось, что Загря – сборище алкашей, и что бывший муж всё ещё живет со мной.

- Серьёзно? Мда, бывает, что во сне всплывают всякие воспоминания. Слушай, а тебе не случалось осознаваться во сне?

- Было такое, только давно и непроизвольно.

- Вообще можно добиться этого разными способами. Можно заснуть утром или днём, держа в голове, что хочешь проснуться во сне. Полезно включать критическое мышление, проверять реальность на признаки фальши.

- Посмотреть на свои руки?

- Да. Хочешь – прямо сейчас проверь.

Я направила взгляд на руки, и тут же перед глазами всё поплыло, словно забарахлил свет, выключающий реальность.

- В горизонт, в горизонт смотри, быстро! – заорал Гримнир.

Я последовала требованию, и мир встал на место.

Разглядывая дома за окном, я захотела посидеть на крыше.

- Хочешь вылезти? Почему бы и нет? – спросил Гримнир. – Мне подождать или с тобой слетать?

- Хочу вместе, конечно! – с непривычным энтузиазмом ответила я.

Цепляясь за уступы в стене, мы забрались на самый верх. Дул сильный ветер, и боясь, что нас может снести, я вцепилась в арматуру, выпирающую из бетона. Умом я понимала, что если не ходить по краю, то никакой опасности не возникнет, но всегда спокойнее, когда за что-то держишься.

- Забота о безопасности создает иллюзию безопасности, - сказал Гримнир.

Я, засмутившись, отпустила арматуру.

- Да ладно, держись. Итак, на чем мы остановились? Неважно.

Гримнир встал в позу и с пафосом в голосе заговорил. Речь была адресована не столько мне, сколько всему миру, который открывался с высоты:

- В этот раз я расскажу о четырех основах своего кредо. Это беспричинность, бессмысленность, бесконечность и, внезапно, забота.

- Странные у тебя идеи. Заботиться о чем-то в отсутствие смысла – какой в этом толк?

- Изначально ни в чем не было смысла. И именно благодаря заботе он возвращается.

- А беспричинность и бесконечность тут к чему?

- А это чтоб не было вопросов, с чего всё началось и к чему придёт. Я пробовал найти ответ, не нашёл, и потому решил, что отсутствие ответа – это тоже ответ.

Он замолчал. Я тоже молчала, из-за чего начала погружаться в неуправляемый сон. Я вспомнила, о чем мы говорили, когда были по ту сторону сна:

- Как успехи в построении мандалы?

- Не очень. Иврит – потрясающий язык, очень логичный и лаконичный. В нем каждое сочетание букв имеет фиксированное значение, и, зная их, легко угадать, что значит отдельное слово, даже если ты никогда не общалась с евреями. Я перебрал все комбинации и... не знаю, что делать дальше.

- Вернись к тому, с чего ты это начинал.

- Формула мира, чтоб ее... У меня теперь есть эта хренова туча чисел, но что с ней делать дальше?

- Я не знаю, - ответила я. – Я вообще не могу за тобой угнаться.

- Ничем не могу помочь.

Я сидела в замешательстве. Мне показалось, что Гримнир потерял интерес ко мне, но я старательно вытеснила эту мысль. Поняв, что продуктивный разговор кончился, я перестала удерживать внимание и провалилась в сон без сновидений.

Глава 10

Работала я в IT-сфере, как и Ноктифер. Платили неплохо, значительно больше, чем мне требовалось для жизни, хотя с точки зрения коллег я, возможно, казалась туповатой и недостаточно амбициозной, и потому получала меньше, чем большинство коллег со стажем аналогичным моему.

День моего возвращения из отпуска не задался с самого начала – я забыла пропуск, паспорта в сумочке тоже не оказалось. Как и следовало ожидать, охрана не торопилась меня пропускать. Зная службу безопасности, не склонную к компромиссам, я решила проскочить, пока охранник отвлекся. Маневр удался, однако на выходе из лифта меня ждал другой охранник.

- Вы не прошли службу безопасности и нарушаете служебный распорядок. Покажите сумочку.

Я расстегнула молнию, охранник порылся, что-то понюхал, ничего не нашел, но не успокоился. Только теперь я поняла, что это не охранник, а если и охранник, то явно не того, о чем я подумала. Ничего хорошего это не сулило. И, воспользовавшись секундным отвлечением, бросилась бежать. Не вниз, где дежурил другой охранник, а вверх. Шестой этаж. Лестница упирается в потолок. Люк не заперт. Не знаю, смогла бы я прыгнуть с шестого этажа, если бы это был материальный мир. Но сейчас я ничего не боялась: я знала, что смерти здесь нет. Прыгнув, я зацепилась одеждой за какой-то железный штырь. Беспорядочно дергалась, но слезть не могла. Страховочная веревка превратилась в путы. Сердце ускоренно билось, разум отказывался подчиняться. Единственный путь – подтянуться и попытаться залезть обратно. Но руки ослабли и тоже отказывались подчиняться.

Подлетел ворон и начал меня клевать, за ним – еще один. Я отмахивалась как могла. Целились они прямо в сердце. Хугин и Мунин, блин. От боли я потеряла сознание.

Потом я очнулась. Глянув вниз, я обнаружила, что зависла не там, где ожидала. Это было тем самым зданием, где я увидела граффити с именем Гримнир.

В груди я ощущала дыру. Я смотрела на рунические знаки, и рана словно затягивалась, но вороны сидели на коряге и недобро поглядывали.

Очередной рывок – и веревка подалась. Я медленно, но верно спускалась. Руки стерлись в кровь, но это пустяки. Как только я достигла точки опоры, вороны растворились в воздухе, и появился он.

Он обнимал меня, а я не верила своему счастью. Меня бросало в жар, я ничего не видела вокруг себя, но, тем не менее, мне становилось легче. Он тоже, казалось, кайфовал, только не показывал это так открыто. Было заметно, что он долго и осознанно воздерживался от всех видов удовольствий и сейчас держит меня рядом, только чтобы меня немного попустило. Ему самому же от этого только тяжелее: есть риск расслабиться и потерять драгоценные силы, а сейчас для этого совсем не время.

Наконец-то мы вместе. Но...

Тут видение прекратилось, и мне в нос ударил запах нашатыря. Я поняла, что все увиденное было чем-то вроде сна или галлюцинации. Я открыла глаза, и увидела лицо, принадлежавшее низкорослому и плешивому коллеге. Коллега приторно улыбался. Так и хотелось заехать кулаком в морду!

Гримнир по-прежнему не выходил у меня из головы. Астральные встречи – всё, что у нас было. Встречаться в этом мире мы не могли: у него вечно было много дел. И я желала его, понимая, что желаю не столько удовольствия, сколько самого факта, что он рядом, самого символизма. Миг наслаждения скоротечен, важен лишь путь. Я жаждала запретного. Зачем бежать к этому? Ведь когда радостный миг находится в будущем, я о нем помню, но в прошлом это всего лишь факт из биографии. Впрочем, любое будущее неизбежно оборачивается прошлым. Он это понимал. Он единственный, кто это понимал.

Его отсутствие отдавалось во мне болезненной ломкой, однако были в этом состоянии и свои преимущества: я стала лучше соображать. В моей голове зрело множество идей, и я только и успевала записывать. Мне бы не хотелось, чтобы ростки вдохновения гнили на рутинной работе, поэтому я попросила отпуск за свой счет у начальства, однако оно отказало. Настаивать я не стала, и в итоге продолжила ходить на работу, однако занималась там совсем не рабочими вопросами. Это даже не было бойкотом – просто я не могла иначе.

Примерно через неделю после видения у меня действительно пропал пропуск – даже несмотря на то, что я следила за ним вдвое внимательнее обычного, и начальство решило уволить меня, не раздумывая, – всё равно работник я так себе.

Глава 11

Ноктифер по-прежнему играл в игры, а я высчитывала матрицу.

- Оторвись уже от компьютера, сколько можно работать? – говорил он мне.

- Я, в отличие от тебя, хоть что-то полезное делаю.

- Блалблал!

Я была зла на него, но сдержалась.

- Я к Наде уйду, она на порядок лучше тебя.

- Иди.

- Тебе всё равно?

- Я хочу доделать работу.

- Ты ничего не доделаешь. Ты не сможешь. Ты бесполезна! – понесло Ноктифера. – Твое место в Загрее, в качестве рабыни для Агасфера... нет, для Сталкера или Виногора!

Я пыталась понять, откуда в нем столько ненависти, на которую час назад даже намёка не было. Ноктифер продолжал:

- Ты никому кроме меня не нужна, даже инкубу своему.

Тут я не сдержалась. Если прочие обвинения меня не трогали в виду своей абсурдности, то это задело за живое. Я, обезумев, заехала в него кулаком. Он как будто не почувствовал. Я начала царапаться, кусаться, хватать его за волосы, он сдерживал натиск, но продолжал провоцировать меня словами. Потом ему это надоело, да и я, надо сказать, оставила на нём заметные синяки, и он тоже пустил в ход силу.

Перед сном ярость прошла, мы даже помирились, но на следующий день всё повторилось, несмотря на обещания остановиться при первом же подозрении на агрессию.

Стоило мне снова заикнуться о взломе системы, как Ноктифер презрительно выдал:

- Какой взлом системы? Ты обычная наркоманка.

Чтобы не убить друг друга, мы вынуждены были разойтись. Ноктифер ушел, забрав почти все деньги, но у меня оставалась квартира. Его уход был весьма кстати: мне теперь ничего не мешало работать и мечтать о Гримнире. Сон и реальность перепутались. Раньше я держалась благодаря Ноктиферу, но теперь пришлось обходиться без него. Однажды, посмотрев на руки и обнаружив на них неестественно большие и тёмные вены, я сумела взлететь. Это сон? Реальность, реальнее некуда!

За яркостью этой реальности я потеряла себя. Путешествовать по мирам оказалось так просто, одного намерения было достаточно, чтобы найти то, что надо. Найти Гримнира.

У меня не хватит сил и сосредоточенности, чтобы описать все, что я видела. Но это не нужно. Важно одно. В одном из миров я нашла смятый тетрадный листок.

Глава 12

С ивритом пазл не сошелся, с греческим тоже, да и с чего бы им сходиться? Это же человеческие, а не изначальные языки. Енохианский? Конечно же, я и его не обошел стороной. Гематрию пришлось высосать из пальца, а результат, как и следовало ожидать, получился аналогичный.

- Неудивительно, что языки тебя не пускают. Чужой язык – чужая власть. Тебе нужен свой язык, – таково было послание из ниоткуда.

Старое доброе созерцание – и результат оказался ничуть не хуже, чем у Джона Ди с Эдвардом Келли. Не нужно ни шаров, ни зеркал, ни кристаллов – достаточно простого стакана с абсентом. Я всматривался в его грани и в пространство, наполненное изумрудной жидкостью. Жидкость горела холодным пламенем. Казалось, будто стакан живой, будто это голем, созданный мною, и он доносил до него мои мысли.

Пламя меняло форму, и в определенный момент я увидел в нем фею с зелеными волосами. Она поймала мой взгляд и улыбнулась. Я не заметил, как очутился в другом пространстве.

- Ты из Среднего мира? – спросила фея.

- Да, наверное, - ответил я, ломая себе голову над тем, где же я сейчас.

- Там, наверное, ужасно! Он же перенаселен!

- Да нет, мне нравится.

- Как может нравиться материя, зацикленная сама на себе, уничтожающая проблески духа?
- А что плохого в материи? Ведь она – основа всего, и без нее не было бы духа.
- Но, если искать его по крупицам, вовлекаясь в суету своего мира, можно заблудиться и забыться.

Она призывно изогнулась. Я решил рискнуть и дотронуться до нее. Она ответила жаркими объятиями и начала довольно откровенно намекать мне на продолжение.

- А разве секс – не крайнее проявление той суеты, что ты ненавидишь? – удивился я.
- Мир по своей сути сексуален. Особенно в своей неорганической части. Органическая тоже сексуальна, но каким-то извращенным образом. Ты ведь изучал в школе химию и помнишь таблицу Менделеева? Мне всегда металлы казались мужчинами, а неметаллы – женщинами. И вполне естественно, что они стремятся к соединению.

- Интересная мысль. Вот только не кажется ли тебе, что ты сама себе противоречишь?

- Не кажется. Проблема не в устройстве. Задумка всегда кажется прекрасной, но, когда она реализуется, обязательно появляется дефект. Жизнь – один из таких дефектов.

Фея казалась мне настолько противоестественной, настолько абсурдной, что хотелось отойти от нее как можно дальше, дабы самому не перенять ее странность. И в то же время мне хотелось докопаться до причин этой странности. Ведь в любом абсурде должна быть своя логика, пускай и извращенная. Да и в бледном лице феи светилось особое, экзотическое очарование.

- Ты зачем пришёл? Хочешь знать устройство мира? Могу предложить тебе простое решение. Пространственная неопределенность ничем не отличается от временной. Ты когда-нибудь занимался предсказаниями?

- Ну да, с картами таро знаком.

- Например. Но есть решение ещё проще. Подбрось монетку: орел - да, решка - нет.

- Но мир сложнее ответа на односложный вопрос.

- Хочешь уточнений? Снова кидаешь монетку. Итак, у тебя получается разветвлённая система ответов. Она похожа на двоичный код. Это и есть двоичный код, описывающий все, что тебе нужно.

- Но если монетка соврёт, логика системы разрушится?

- Монетка не склонна врать.

- И все же, погрешности случаются.

- Ты прав. Однако где одна ошибка, там и другая найдётся, и велик шанс, что они скомпенсируют друг друга.

- Или испортят всю картину. Взмах крыла бабочки на одном конце земного шара может вызвать ураган на другом.

- Ты в этом уверен? Что ж, значит, в твоей картине мира нет места ошибкам. Так и запиши, будет на что опираться.

Не могу понять, что она несет. То ли чушь, то ли откровение. Однако мне нельзя залипать здесь слишком долго. Пора домой, там меня ждет Терра. Я сказал фее, что спешу, на что услышал ответ:

- Ты хочешь захватить мир в одиночку? Не выйдет. Тебе нужна женщина.

Я пожал плечами, не желая дискутировать дальше. Уйдя от нее, я пошел в случайном направлении. Спрашивать дорогу у феи я побоялся: мало ли чего еще она наплетет.

Дорога привела меня к обрыву. Я встал прямо на краю лицом на восток. Был рассвет, и половина неба ярко осветилась солнцем, другая же половина оставалась темной. Ровно пополам. Я думал о другой жизни, о том, в кого смогу переродиться... И тут слышу голос: «Новая жизнь уже началась». Я стоял, раскинув руки, и тут заметил, что позади меня уже совсем другая местность. Очевидно, я набрел на какое-то известное место силы, ставшее туристической достопримечательностью. Я продолжал стоять, и люди, проходившие мимо меня, затаили дыхание, думая, что я собрался прыгать. Нет, я не прыгнул. К черту всё! И эти записи тоже!

Глава 13

На обратной стороне листа были какие-то непонятные иероглифы. Я пыталась расшифровать их, но ничего не вышло. Обидно было, что он даже не вспомнил обо мне. Только о Терре. Что было с ним дальше – я, к сожалению, не могу проследить, однако я уверена, что он проделал титаническую работу, о которой будет еще долго рассказывать.

Ненадолго придя в свое обычное состояние, я поспешила снова вернуться в тот мир, и на этот раз мне повезло больше. Поляна, заросли кустов, береза, ветки которой обвязаны множеством цветных лент... И огромный камень, окруженный стоячей водой.

Стоя у камня, я загадала желание. И он смог материализоваться. Он вздрогнул от неожиданности, как полгода назад, когда я первый раз связалась с ним через скайп. Тяжело вздохнув, он разжал объятия.

- Я вернусь. Прояви немного терпения – и ты достигнешь экстаза. Любому богу нужна богиня. А сейчас садись в позу лотоса и жди от меня новых указаний.

Где-то на пять минут он расслабился. Пора было уходить, но он лежал рядом со мной, как будто решил изменить решение и ни в какую битву этой ночью не лезть. Может, надо было пнуть его и сказать, что стемнело и уже пора? Однако я и сама не заметила, как он растворился в воздухе.

Как только он исчез, мир зажил своей обычной жизнью: вместо воды и камня я обнаружила увидела поляну в парке, где мы гуляли в первый раз. Вокруг меня разлетались комары, а на подстилку заползла жирная гусеница. Хотелось пойти домой, но я помнила, ради чего я здесь сижу, и начала повторять имя Гримнир как мантру. Видение. Фрагмент таблицы. Надо считать. И я послушно считала, складывала и умножала, вычитала и делила, вспоминая давно забытые как страшный сон уроки алгебры. И я видела, что доставшаяся мне часть – всего лишь вынесенное за скобки, и далёкий приятель моего Гримнира тоже что-то считает, а Гримнир, услышав наши ответы, соединяет всё воедино в ещё более жуткой формуле. Меня мучала жажда. Я пыталась сохранять внимание изо всех сил, но, когда оставалось совсем немного, я потеряла сознание.

В верхнем мире он ориентировался лучше меня. Я пожелала ему удачи, и он начал взбираться по древу жизни. Путём стрелы, через бездну. Пара секунд на краю бездны – и полет. Он умел летать. Секрет был очень прост: надо было лишь прыгнуть. Открывшийся страх пробуждал скрытую

сиддху. Он колебался перед прыжком, хотел отказаться от затеи. Я, безусловно, тоже боялась за него, но что-то заставило меня сказать:

- Не думай. Прыгай.

Он думал, что не готов к полёту, но, взлетев в первый раз, он почувствовал, что всегда умел летать. И что странны те люди, которые даже не пытались. Он летел. И достиг самой сути верхнего мира. И надеюсь, что там он нашел исходники.

Глава 14

Потом я пришла в себя и обнаружила, что я лежу у подножия горы. Возможно, это был сон. Возможно, я и сейчас сплю. Осознание не помогает. Мир не меняется, полет не выходит: меня слишком прижимает к земле.

Что ж, куда направляет, туда и пойду. Не вверх так вглубь. Умный в гору не пойдет, он ее не обойдет, а в нее войдет. Бред какой-то, но тут как раз есть дырка для особо любопытных. Просто яма или что-то поинтереснее? Пофиг, лезу. И падаю, словно Алиса.

Больно не было. Но испачкалась в мокрой глине порядочно. «Оставь надежду всяк сюда входящий» - написано в первом же гроте. Не на входе, нет! Там это выглядело бы как реклама, а случайно проходящие путешественники не должны даже догадываться, что эта дыра может быть предназначена, чтобы в нее залезть.

Два пути: влево и вправо. Я решила, что раз уж выбрала Путь левой руки, надо придерживаться его до конца.

В одном из гротов у огня грелись четверо человек. Позвали меня к себе. Я не склонна доверять незнакомым людям, однако липкие голые стены вызывают еще меньше доверия, и потому выбора у меня не было.

- Эй, что ты там жмешься? Выходи.

Я подошла и рассмотрела их поближе. Окликнувший меня на вид был стариком лет 60-70, однако держал он себя так, будто было ему не больше 40.

- Хочешь чаю?

Не дожидаясь ответа, он зачерпнул кружкой из дымящегося котла что-то мутное и вручил мне. Сидящий рядом с ним парень пододвинул ко мне пакет с печеньем. Я поблагодарила.

Напротив меня сидели мужчина и женщина, судя по всему, семейная пара. Женщина спросила:

- Первый раз?

- Ага.

- Как тебя сюда занесло?

- Да вот сама не знаю...

- Сейчас еще минут десять посидим, а потом покажем, что тут есть интересного.

- Я смогу отсюда вылезти?

- Конечно, сможешь, - ответил старик. - Только какой смысл вылезать, ничего не узнав?

Я не стала спорить. В конце концов, люди приятные, да и место необычное, холодно только.

Немного посидев, все пошли осматривать пещеру дальше, и я пошла с ними. Я удивлялась, насколько проворно они пролезали в самые узкие щели и как быстро ползли по проходам-шкуродёрам, в которых даже локти не согнешь. Я побывала кошкой в водосточной трубе, кротом, змеей... Человек здесь не выживет.

- Не отставай! – сказала мне женщина. – Тут можно случайно забрести в антисистему, в ней легко потеряться.

Но я отстала - слишком долго протискивалась в очередной лаз. Они обещали в случае чего посветить мне фонариком, однако я, не дожидаясь сигнала, понадеялась на интуицию и полезла наугад.

Я долго корила себя: зачем сюда полезла, зачем не закричала с просьбой о помощи. Корила непрерывно и мучительно, пока не увидела странное таинственное мерцание вдалеке. Я вышла к подземной реке, голубой от высокой концентрации соли. Мне предстояло переплыть эту реку – все равно терять-то нечего.

Вокруг – лишь мертвый каменный ад. Руки стёрты в кровь. Одежда, волосы, лицо – всё в мокрой глине. Наверное, так и должны выглядеть монстры, которых человеческое воображение селит в адских мирах.

Я влезла в ледяную воду, от которой сводило ноги, и от резких движений меня накрыло волной. Вода меня держала, утонуть в такой воде невозможно даже при большом желании. Но волна, неожиданно ударившая по голове, ударившая здесь, в царстве мертвой неподвижности, ударила со всей яростью стихийной мощи, заставила меня потерять равновесие и ориентацию в пространстве. Вода казалась неподвижной только сверху. Ближе ко дну можно было заметить течение. Оно меня и выбросило на берег, в просторный грот, после которого вода уже не текла, как в реке, а ручейками просачивалась в мягкую породу. Отплевываясь от воды и приходя в себя, я услышала глухой удар от падения и с ним – пробирающую до костей дрожь непонятной природы.

Я обернулась – у берега реки, всего в пяти метрах от меня, лежал Гримнир.

Он упал. И, падая, повредил ногу. Вскрылись все старые раны, которые, казалось, давно зажили. Он не мог двинуться с места. Приводить его в чувство пришлось мне. Растирая и покрывая поцелуями. Я уже отчаялась и думала, что он умер, но он открыл глаза.

- Там ошибка. В коде ошибка. Но оно почему-то работает, - сказал он и снова потерял сознание.

Я винила себя, что втянула его в это. Я обещала себе, что если он не очнется, то я пошлю все к черту, забуду все свои тайные знания, вернусь к своему бывшему и рожу ребёнка. Или повешусь. Я не видела особой разницы между этими двумя идеями.

Мои действия были интуитивными. Это не было теургией и не было черной магией. Возможно, природное целительство. Возвращение души. Ангелы и демоны отказываются помогать, поэтому вся надежда – только на себя.

Он упал. То есть как упал? Для случайного наблюдателя он просто лежал на земле, как и раньше. Но я-то все видела в другом спектре, в другом измерении. Да и раны открылись вполне физические. Я не знаю, умирают ли от этого. У врачей, по крайней мере, нет статистики по падшим ангелам. На астральном уровне было не лучше. Его аура цвета индиго окрасилась в мутно-бледный цвет. Считается, что белый цвет благодетен, на самом же деле он ядовит, и для меня он всегда был сигналом тяжёлой болезни. Чёрный цвет – поглощение энергии, белый – излучение.

Пока я, не отрываясь, наблюдала за ним, аура становилась всё более прозрачной, и через серо-дымчатые оттенки постепенно стала тёмно-фиолетовой.

- Демииург такой же. Он не светлый, как считают люди. И не золотистый. Демииург – темнейший из черных братьев. И я теперь такой же. Это одновременно звезда и черная дыра. Это смотря с какой стороны посмотреть. То, что снаружи кажется черным, изнутри белое. И наоборот.

- Нулла, - тихо сказал он.

Он всегда произносил мое не так, как остальные. И именно благодаря ему я полюбила свое имя. Именно благодаря ему оно иногда отзывается в моей голове, придавая мне силы.

Почему помогает природа? Почему она не против меня? Демииург только захватил власть над материей. Но сама материя существовала и существует независимо от него. Отвоевав ее кусочек, мы сами властвуем над ней.

Он светился как-то иначе и неестественно-широко улыбался. При этом сказал, что, как бы плохо мне сейчас не было, нужно размять его тело – ему слишком больно от падения, и он едва способен шевелиться.

- Ничего не получилось? - спросила я.

- Непонятно. Кажется, получилось... когда я досчитал ту ужасную матрицу, бог лишь расхохотался и сунул мне другую, такую же по объёму. Но до тебя было уже не докричаться. Я сам уже выдохся. Увидев, что выражения во второй матрице подозрительно похожи на аналогичные в первой (только с другим знаком), я сказал, что сумма двух матриц равна нулю.

Потом я заметил, что во второй перепутаны местами несколько цифр, но это все равно ни на что не влияет. Я сказал это богу. Он разозлился и вышвырнул меня из своей обители. А мне смешно: обиделся-то он на правду.

Я молчала в немом восторге, не зная, что говорится в таких случаях. Он спросил:

- Через нижний мир перебраться проще, чем через верхний?

- Нет никакой разницы: каждый получит свою порцию страдания: от удара падения или от блуждания во мраке.

У меня было много вопросов к нему. Собравшись с силами, я спросила:

- Так постой! Демииург – это тот, кто создал этот мир?

- Как возник мир – мы никогда не узнаем. Ранние версии стерты. Демииург – тот, кто получил права доступа к коду и меняет его в меру своего энтузиазма и в меру своей кривизны рук.

Сделав большую театральную паузу, он изрек:

- Бог сотворил мир не словом, а взглядом.

Я зачем-то лизнула рану, и она начала затягиваться. Он медленно поднялся, и под каким-то углом я заметила, что у него есть крылья. Астральные или эфирные – фиг их разберёт. И, взяв меня на руки, он взлетел. Мне было страшно. Казалось, что вот-вот я упаду: он меня выронит или упадёт вместе со мной. Но этого не случилось. Он принес меня на самую вершину. Оттуда было видно всё. Звёзды складывались в форме цифр. Водя по небу указательным пальцем правой руки, он что-то стирал и переписывал.

Небо приобрело необычный цвет. Начали пропадать предметы и текстуры. Как в играх.

Он спустился... или поднялся? Я не поняла: небо и земля поменялись местами.

- Что за хрень? – сказал он, осмотревшись.

Мы поднялись с неба на землю и охренели ещё больше. Всё было иначе, слишком иначе, чтобы это можно было описать в человеческих терминах.

- Всё, кажется, я разобрался в чем тут дело, - сказал Гримнир и отправился дальше править исходник. Я пошла следом за ним.

- Ты где? Врубись что происходит! – крикнула я.

- Ага... что-то странное. Светло как днём, а солнца не видно.

- Ничего ты не понял. Ты же сам занял его место.

- Земли тоже не видно.

- Всё правильно. Сейчас затмение.

- Так это ты мне землю загораживаешь?

- Да.

Глава 15

Все теряет смысл. Время останавливается. Нет ничего человеческого. Остается лишь играть, и что самое печальное – играть не собой.

- Эх, сбылась мечта идиота. Мир другой, а что толку?

- Когда-то я что-то желал, вот только не помню, что именно. Ты не помнишь, что люди обычно желают?

- Счастья... Вот только что такое счастье – никто не знает. Постоянно кайфовать? Ммм, ты видела даунов? Такое счастье не нужно... Что тогда... Любви? Денег?

- Любовь – вот она, тут и колдовать-то нечего. Деньги? Тебе нужны были деньги? Зачем?

- Заниматься своим делом и не отвлекаться на насущные проблемы. Золотыми унитазами никогда не интересовалась.

- Ну так и займешься, когда вернешься. Что ты там хотела? Свой уютненький хогвардс? Вперед и с песней...

- А сможем ли мы снова забраться сюда? Да, если оставим себе такую возможность. Можно сделать чит-коды для себя, но ведь играть будет не интересно. Люди редко бывают счастливы, а маги и подавно. А все из-за того, что мир для них чужой. Это как если бы подростка отправили в детский сад.

- А что тогда? Становиться ребёнком? Я никогда не хотела этого, взрослая жизнь интереснее, пусть и сложнее. Что есть у ребёнка, но нет у взрослого? Игры и свободное время? Ну так ничего не мешает снова занять это. Свежесть восприятия? Придётся стереть память, но на это я не согласна – все чего мы достигли, потеряет смысл.

Наблюдать за людьми, снова и снова прокручивая финальный ролик из игры, или вернуться на какой-то из уровней и проходить его заново, но теперь уже просто ради самого процесса. Как глупо... Мы ведь могли и раньше жить не заморачиваясь.

- Мы хотели сюда, не стоит отрицать этого.

- Да. И снова захотим, как бы ни рвались назад.

- Как говорится, в темноту, назад и вниз. И оставим себе маленькое окошечко. Чтобы, визуализируя это пространство, вернуться сюда. Абстрактное мышление должно сохраниться, как и способности к выходу в эти сферы. И... если тебе будет одиноко, приходи ко мне во сне.

- То есть... даже после всего этого мы не будем вместе?

- К сожалению, нет. Но обещаю не забывать о тебе.

И в тот момент я начала падать. Без этого пинка я, наверное, и не решилась бы прыгнуть. Хотя я и была к этому готова. И только сейчас я начала догадываться, что он уже летал сюда раньше, просто не помнит этого.

Странно, что я снова очнулась здесь. Я могла бы уйти в альтернативную реальность, где меня ждет Ноктифер, стабильность и мечты о завоевании рая по вечерам за кальяном. Судя по всему, рано или поздно туда меня и вытолкнет. Но пока я предпочту оставаться именно здесь. Этот опыт был бесценен и для меня, и для Гримнира. Даже если я его больше не увижу, я смогу написать новое евангелие. Книжки легко пишутся, когда кто-то вдохновляет. Возможно, каждый из нас станет основателем собственной религии. К сожалению, это будут две разные религии: ведь у него уже есть своя преданная жрица.

Я больше не хочу воевать с демиургом, ибо новый демиург прекрасен. Я могу создать свою секту, собирать последователей, могу неплохо заработать на этом... Но тоска меня не отпускает. Когда-нибудь я встречу с ним, но не в этом воплощении.

Есть вещи, которые не под силу даже богам.

Зера, 2016 г.